

Мелвилл

(1824)0603
(июнь)

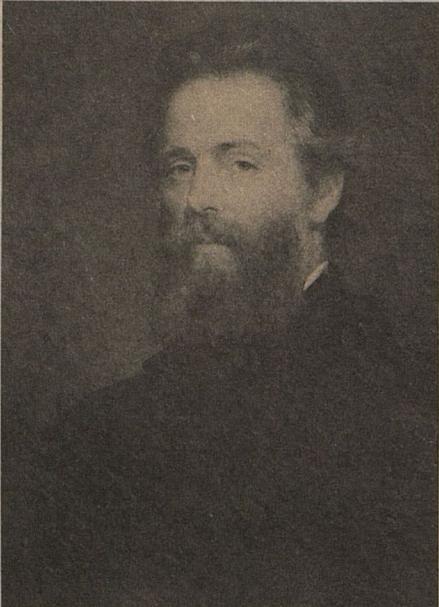
абвгдеёжзийклмнопрст

щъьэюяабвгдеёжзийклмнопрстуфхцчщъьэюя

Герман.

Амеравит. - 2003 - июнь (1824) - с. 24-25.

Андрей Кротков

УВЕРТЮРА

Среди стоящих на рейде и у стенки парусных судов американский китобоец виден сразу. Его корпус особенно тщательно проконопачен и осмолён, планшир бортов сделан из мощного бруса. Между фоком и гротом сложена печь-салотопка. К нижним реям подвешены связки блоков и талей, похожие на огромные виноградные гроздья. По бортам на шлюпбалках покачиваются в постоянной готовности четыре десятиместных вельбота. В каждом вельботе припасена рабочая укладка – бочонок-анкерок с пресной водой, четыре пары вёсел, два гарпуна, четыре остроги, бухта гарпунного линя, два фонаря и пятнадцатифутовый шест. Если кита добывают перед заходом солнца и в наступающей темноте нет возможности причалить тушу к борту, тогда шест с фонарём всаживают глубоко в китовье дышло, и вахтенные всю ночь следят за огнём, обозначающим место, где дрейфует добыча, чтобы с рассветом взяться за дело.

Тоннаж китобойных судов середины XIX века невелик – самое большее 450–500 тонн. Втащить китовую тушу на борт нельзя – она может потопить судно, поэтому разделочной палубы нет. Зверя свежуют у борта. Здоровенным крюком-гаком подцепляют надрезанную "шубу" (шкуру с пластом сала) и сдирают её с туши, как кожуру с апельсина. При этом подхваченная туша вздымается на таях всё выше, пока не поднимется почти вровень с бортом и пока судно не начнёт крениться, скрипеть и скрежетать всем рангоутом. Освежёванного и сброшенного в воду кита доедают акулы.

Когда китобоец покачивается на зыби, слышен странный звук – то погромыхивают заполняющие трюм пустые бочки.

Чем успешнее поход, тем больше осадка китобойца и тише доносящиеся из трюма звуки – бочки полны и не громыхают. Но даже когда китобоец входит в родной порт и швартовная команда готовится встать по местам – и тогда дозорный в "вороньем гнезде" на топе грот-мачты не покидает свой пост в надежде выследить и прикончить ещё одного, последнего кита...

Впрочем, какие сейчас китобойцы? Промысел морских млекопитающих предельно ограничен международными конвенциями – иначе ни котиков, ни морских львов, ни китов с кашалотами давно не осталось бы в природе.

Америка была Великой Китобойной Державой очень давно – полтора века назад. И вовсе не от романтического геройства и страсти к морским приключениям, а по самой банальной причине: в стране наблюдалась острая

нехватка жирового сырья для бытовых и промышленных нужд. Когда в 1859 году в штате Пенсильвания пробурили первую нефтяную скважину, китобойное дело быстро сошло на нет.

А пока на дворе 3 января 1841 года. Восточное побережье США, городок Нью-Бедфорд на полуострове Кейп-Код. Методистская церковь. Раннее зябкое утро. Скамьи полупусты, послушать проповедь пришли всего человек пятнадцать–двадцать. Среди них скромно притулился уроженец Нью-Йорка, молодой человек 21 года от роду, только вчера подписавший контракт на матросскую службу в китобойной экспедиции с правом на долю от реализации добычи. Его зовут Герман Мелвилл. Никто, даже сам он, не знает, как неожиданно сложится его дальнейшая судьба, как необычно проведёт он первую и как скучно вторую половину жизни, какая неожиданная слава придёт к нему вскоре после кончины...

Но что думать о кончине, когда тебе 21 год, а впереди морское путешествие!

Собственный морской опыт юнги Мелвилла, полученный в 1839-м, ограничивался трёхмесячным плаванием на пакетботе из Нью-Йорка в Ливерпуль и обратно.

Обычный промысловый рейс китобойца занимал 3–5 лет. Мелвилл на борту "Акушнета" выдержал полтора года. За это время судно обогнуло Южную Америку и прошло в центральный район Тихого океана. Стоянки в Рио, Вальпараисо и Кальяо были рейдовыми – капитан обоснованно боялся остаться без команды, так как

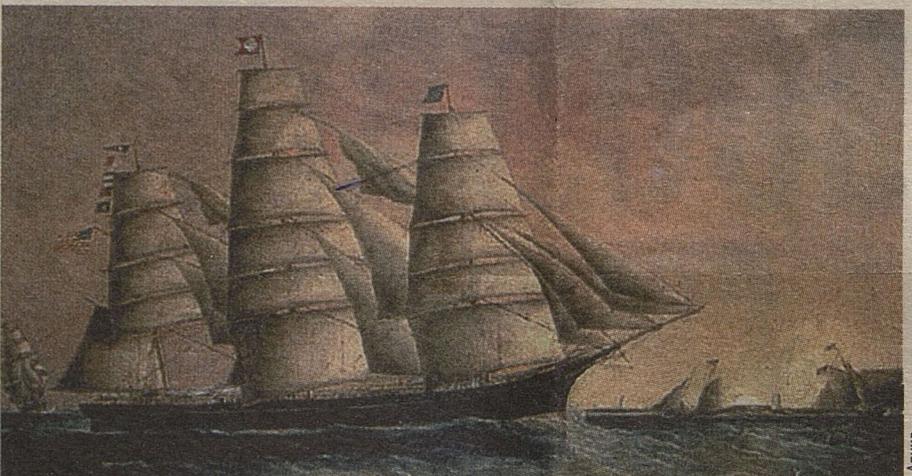
У Германа Мелвилла пожалели людоеды, но съело одиночество **ЧЕНИК**

Герман Мелвилл. 1857 г.

В море каждый должен знать своё место и стремительно выполнять команды старшего. Иначе – каюк. Особенно в таком деле, как охота на китов голыми руками.

"Stand up and strike him!" – "Встань и врежь ему!"

В гребном вельботе, выходящем брать кита, место гарпунщика – на носовой банке. Однако всё время, пока вельбот подкрадывается к добыче, гарпунщик сидит спиной вперёд. И не просто сидит – гребёт наравне со всеми, ухая и натирая кровавые мозоли. И только по выходе на боевую позицию гарпунщик слышит от рулевого эту команду.

Китобоец.

КИТЫ, ЛЮДОЕДЫ, БУНТОВЩИКИ

Отношения с капитаном китобойца "Акушнет" у Мелвилла не сложились.

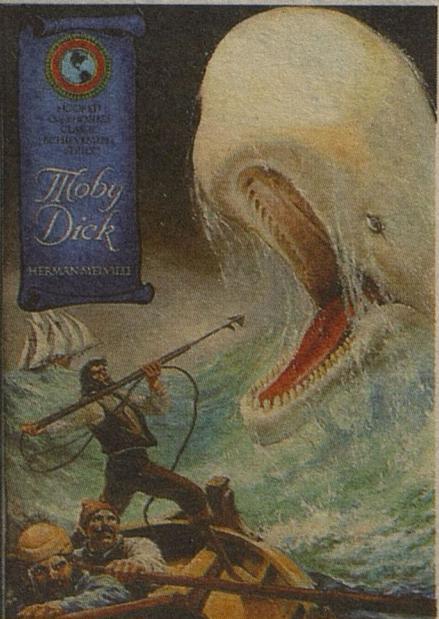
Молодой горожанин приволок с собой несколько романов и читает их в койке вместо сна (невиданное дело на борту китобойца!), страдает от морской болезни, никак не научится вязать узлы, не может запомнить названия снастей бегучего такелажа, не умеет толком отдраить палубу... Кой чёрт понёс этого маленького сынка на китовую охоту? Сидел бы на ферме и вычёсывал репы из конских хвостов!

Своё мнение о моряцких способностях Мелвилла капитан выражал не очень ласковым обращением. Впрочем, каторжная работа, скверная кормёжка, уголовные нравы в матросской среде и жестокость в обращении начальников с подчинёнными – не исключение, а правило американского китобойного флота тех лет.

дезертирство с китобойцев наблюдалось массовое.

Досыта вкусив прелести китобойной жизни, летом 1842-го Мелвилл сбежал с "Акушнета" во время стоянки у Маркизских островов. В глубине острова он встретил племя симпатичных радушных туземцев, которые оказались обыкновенными людоедами. Тощенького янки каннибалы встретили приветливо, есть не стали (что там есть-то?), но не разрешили покидать горную долину, где стояла их деревня. Прожив месяц в нервном напряжении, Мелвилл взял ноги в руки, ночью рванул через горы к берегу – и, на своё счастье, увидел в заливе австралийский китобоец "Люси Энн", зашедший на Маркизы за пресной водой.

"Американец? Отлично! Ещё хоть один, который понимает по-английски! А то с этой разноцветной сволочью одна морока – их языки и сам чёрт не разберёт!"

Обложка одного из «Моби Диков».

На "Люси Энн" оказалось не лучше, чем на "Акушнете". 24 сентября 1842 года у берегов Таити команда взбунтовалась. Подоспевший французский клипер арестовал бунтовщиков, и все они, Мелвилл в том числе, оказались в таитянской тюрьме.

Тратиться на охрану и кормёжку заключённых-иностранцев французские власти Таити не хотели, потому не препятствовали побегам. Мелвилл тоже сбежал – вышел из незапиравшейся камеры, махнул через стену и на туземной лодчонке перебрался на остров Эймео. Там он нанялся на американский китобоец "Чарлз и Генри", но уже с оговорённым сроком контракта – полгода. Ровно через шесть месяцев капитан ссадил Мелвилла в Гунодулу.

Проев за неделю заработанные деньги, Мелвилл отправился в порт, где не-

коммерсанта, после которого умеренный достаток семьи Мелвиллов больше никогда не восстановился. Сам Мелвилл высказался на этот счёт в типично американской манере: *"Дьявол нищеты постоянно околачивался у моих дверей, как голодный козёл возле амбара с кукурузой"*.

Мелвилл никогда и ничему толком не учился. Школу ему пришлось покинуть в 12-летнем возрасте. Полугодовой курс "коммерции" на образование не тянул. Зато он любил читать. Отчего довольно быстро пришёл к мысли: если я читаю книги, написанные другими, почему бы не попробовать заставить других читать книги, написанные мной?

За 11 лет упорного писательского труда Герман Мелвилл сочинил десять больших книг: "Тайпи" (1846), "Ому" (1847), "Рэдберн" (1849), "Марди" (1849), "Белый бушлат" (1850), "Моби Дик, или Белый Кит" (1851), "Пьер, или Двусмысленности" (1852), "Израиль Поттер, или Пятьдесят лет изгнания" (1855), "Искуситель" (1857). Не-

торой Мелвилл дошёл до самого президента Авраама Линкольна, но признания не встретил. Он просил предоставить ему консульскую должность, подобную той, что в своё время занимали братья, американские писатели Вашингтон Ирвинг и Натаниэл Готорн. Президент отказал: *"Вы достойный человек, мистер Мелвилл, но у вас нет ни образования, ни дипломатического опыта, а ваш писательский опыт в данном случае непригоден"*.

Только в 1866 году по протекции друзей Мелвилл смог получить микроскопическую должность таможенного инспектора в нью-йоркском порту. Девятнадцать лет он заполнял декларации, совершал многомильные прогулки по причалам и пакгаузам, возился с акцизно-пошлинной бухгалтерией.

Шесть последних лет своей жизни Мелвилл пребывал в одиночестве и глубокой депрессии. Все люди, которых он любил, – брат, сестра, двое сыновей, жена – умерли.

Избавление от тягот земной жизни пришло к Мелвиллу 28 сентября 1891 года. Автор газетного некролога так спешил, что умудрился перевернуть и имя, и фамилию писателя.

ЧТО СЛАВА? ЯРКАЯ ЗАПЛАТА...

В 1919 году американский филолог Рэймонд Уивер, заглянув в календарь, вспомнил, что грядёт столетний юбилей Германа Мелвилла, и взялся за первую биографию писателя. Через два года монография "Герман Мелвилл, моряк и мистик" вышла в свет. И тут, как говорится, началось.

Книги Мелвилла стали переиздаваться одна за другой. Соотечественники поразились и изумлялись, как можно было проморгать такого изумительного автора, такое потрясающее

дарование, такую национальную драгоценность. Из текстов Мелвилла интерпретаторы начали вычитывать и извлекать всё, что угодно. Специалисты по рейтингам живо взгромодили Мелвилла на пьедестал вровень с Генри Торо, Ральфом Уолдо Эмерсоном, Натаниэлом Готорном и Джоном Уиттьером, как одного из величайших национальных мыслителей. Одних только жизнеописаний Мелвилла в XX веке вышло больше 20.

Всё это было и справедливо, и заслуженно. Только, пожалуй, поздно.

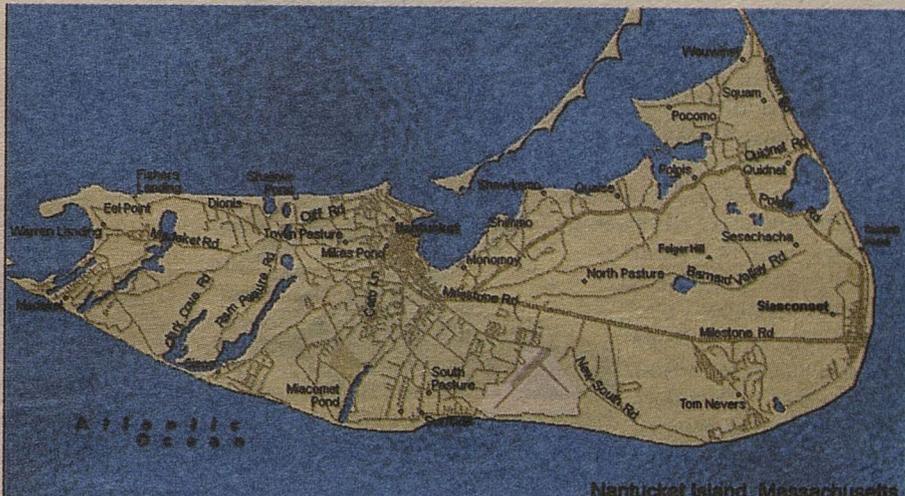
...Мелвилловские "Тайпи" и "Ому" – классические романы-отчёты о путешествиях в дальние страны. "Рэдберн" и "Белый бушлат" – морские романы реалистично-натуралистического типа, полемизирующие с романами Фенимора Купера; "Белый бушлат" автобиографичен – в нём Мелвилл описал личный опыт военной службы. "Марди" – умозрительно-философская притча, полная аллегорий и намёков. "Пьер" – мелодраматический роман о сильных чувствах, полупародийный наворот всевозможных ужасностей, написанный с откровенно коммерческой целью. "Израиль Поттер" – историческое повествование. "Искуситель" – очерково-сатирический роман о путешествии по Миссисипи на пароходе некоего ловкача и надувалы, предтечи героев Марка Твена.

Но настоящий памятник Мелвиллу – это знаменитая китобойная сага "Моби Дик". Об этом романе не нужно писать. Его надо читать.

ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ:

"Моби Дик". Первое русское издание с гравюрами Рокуэлла Кента – М., 1962. Последнее по времени издание – М.: ЭКСМО, 2003.

КИТОБОЯ

Карта острова Нантакет.

медленно наткнулся на гордый красавец-фрегат "Соединённые Штаты" ВМС США. Это была единственная возможность вернуться домой. Пришлось принять присягу военмора и нахлобучить на голову матросскую шапочку американских ВМС, которую за её форму называют spittoon – "плевательница".

Фрегат не слишком торопился к родным берегам. На его борту Мелвилл провёл полтора года – столько же, сколько на "Акушнете". Только 14 октября 1844-го он сошёл на берег в Бостоне. За сорок четыре месяца морских приключений он обрёл бесценный опыт, но навсегда подорвал здоровье. Особенно ухудшилось зрение.

Больше он в море никогда не ходил, если не считать поездки в Европу в 1849 году.

ОКЕАН ЧЕРНИЛ

Мелвилл был беден. Беден наследственно. Началось с разорения отца-

задолго до кончины им написана повесть "Билли Бадд, фор-марсовый матрос" (1888). Ему принадлежат также ряд небольших повестей и рассказов ("Бенито Серено", "Писец Бартлби", "Энкантас"), множество очерков, стихотворений и двухтомная поэма "Кларел, или Паломничество в Святую Землю" (1876).

Две первые книги, написанные по воспоминаниям о жизни среди людедов Маркизских островов, имели большой успех. Все последующие не принесли автору ни читательского успеха, ни сколько-нибудь приличного дохода. "Билли Бадд" был впервые опубликован только в 1924-м.

ТАМОЖЕННИК И ЛИРА

Америка не признала писателя Мелвилла, и в 1857 году он в состоянии, близком к отчаянию, бросил перо. Мечтой его жизни сделалась государственная служба, в поисках ко-

Современный Нью-Бедфорд. Правнуки китобоев бегают трусцой.